

НАСТРОЕНИЯ РУМЫНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА 1960-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТОРА

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Аннотация

В фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся отчеты советских литераторов и деятелей культуры, выезжавших в 1950-е — 1980-е годы в творческие командировки в социалистические страны. Пока еще недостаточно востребованные исследователями, они вместе с тем представляют несомненный интерес как исторический источник, поскольку в них находит отражение информация, касающаяся налаживания двусторонних и многосторонних культурных связей, развития литературы и искусства зарубежных (в частности, восточноевропейских) стран, а также настроений зарубежной интеллигенции. Вниманию читателя предлагается отчет о двухнедельном пребывании в Румынии весной 1962 г. молодого в то время драматурга Михаила Филипповича Шатрова (1932–2010). Искренний сторонник подлинного обновления и демократизации советского строя, М. Шатров был доволен приемом, оказанным ему в Румынии, высоко оценил уровень театральной жизни в этой стране. В то же время на основании общения с румынскими собеседниками (писателями и театральными деятелями) у него сложилось впечатление, что румынское общество отстает от советского в своей готовности к разрыву со сталинским наследием. По его наблюдению, лица, ответственные за культурную политику, предпочитали перестраховаться, когда речь заходила о постановке в Румынии советских пьес, в которых содержалась критика культа личности Сталина, так как они могли бы натолкнуть зрителя на проведение нежелательных параллелей с современной ситуацией в Румынии. Более того, по наблюдению М. Шатрова, в Румынии продолжала процветать атмосфера страха, «страшное наследие эпохи культа личности». С другой стороны, он обратил внимание на нежелание некоторых румынских деятелей культуры афишировать перед лицом общественного мнения свои старые советские связи, поскольку они опасались быть скомпрометированными в глазах коллег в условиях начавшего дистанцирования румынского коммунистического режима от СССР.

Ключевые слова

Румыния в 1960-е годы, десталинизация в СССР, советско-румынские литературные и культурные связи, имагология, восприятие Румынии в СССР

Статья поступила в редакцию 2 марта 2023 г.

Статья доработана автором 5 апреля 2023 г.

Статья принята в печать 25 июня 2023 г.

Цитирование: *Стыкалин А.С.* Настроения румынской интеллигенции начала 1960-х годов глазами молодого советского литератора. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 1–2. С. 33–47. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.02>

THE MOOD OF THE ROMANIAN INTELLIGENTSIA IN THE EARLY 1960S THROUGH THE EYES OF A YOUNG SOVIET WRITER

Alexander S. Stykalin

Ph. D., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Abstract

The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) contains reports of Soviet writers and cultural figures who traveled in the 1950s–1980s on creative business trips to socialist countries. Not yet in high demand by researchers, they are at the same time of undoubted interest as a historical source, since they reflect information related to the establishment of bilateral and multilateral cultural ties, the development of literature and art in foreign (in particular, Eastern European) countries, as well as the mood of foreign intelligentsia. The article deals with the report on the trip to Romania in the spring of 1962 by the young playwright Mikhail Filippovich Shatrov (1932–2010). A sincere supporter of the genuine renewal and democratization of the Soviet system, M. Shatrov was pleased with the reception given to him in Romania and highly appreciated the state of theatrical performances in this country. At the same time, he got the impression based on communication with Romanian interlocutors (writers and theatrical figures) that the Romanian society was lagging behind the Soviet one in its readiness to break with the Stalinist legacy. In his view, those responsible for cultural policy preferred to play it safe when it came to staging the Soviet plays in Romania that were critical of Stalin's personality cult, as they might lead the public to undesirable parallels with the current situation in Romania. Moreover, according to M. Shatrov, an atmosphere of fear continued to flourish in Romania, "a terrible legacy of the era of the cult of personality". On the other hand, he drew attention to the reluctance of some Romanian cultural figures to advertise their old Soviet connections in the face of public opinion, because they were afraid of being compromised in the eyes of their colleagues in the conditions when the Romanian communist regime began to keep distance from the USSR.

Keywords

Romania in the 1960s, de-Stalinization in the Soviet Union, Soviet-Romanian literary and cultural contacts, imagology, perception of Romania in the USSR

Received 2 March 2023

Revised 5 April 2023

Accepted 25 June 2023

How to cite: Stykalin, A.S., 2023. Nastroeniia rumynskoi intelligentsii nachala 1960-kh godov glazami molodogo sovetского literatora [The Mood of the Romanian Intelligentsia in the Early 1960s Through the Eyes of a Young Soviet Writer]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (1–2), pp. 33–47. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.02>

Среди информативных, но до сих пор еще мало востребованных исследователями источников по истории многообразных советско-румынских связей в 1950–1980-е годы можно назвать отчеты советских писателей и деятелей культуры по итогам творческих командировок в Румынию. В соответствии со сложившейся в СССР бюрократической практикой каждый советский гражданин, выезжавший в заграничную командировку (в том числе в социалистические страны), должен был по окончании поездки представить в вышестоящие инстанции подробный отчет о своих контактах и впечатлениях. Отчеты научных работников хранятся в фондах Архива Российской академии наук. Что же касается литераторов, представлявших свои отчеты в Иностранную комиссию Союза писателей СССР, то их докладные записки находятся в фондах этой комиссии в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹ — как и отчеты лиц, сопровождавших делегации зарубежных писателей и деятелей культуры, приезжавших в СССР. О поездках в Румынию (как и в другие социалистические страны) отчитывались и руководители гастролировавших в ней музыкальных и театральных коллективов, и выезжавшие в творческие командировки художники. В 1960-е годы заметно активизируются связи советских и румынских кинематографистов, предпринимается выпуск ряда фильмов совместными усилиями, что также находит отражение в отчетах, подготовленных по итогам поездок по линии Госкино и Союза кинематографистов СССР.

Наиболее информативные отчеты о поездках советских литераторов и кинематографистов пересылались в отдел культуры ЦК КПСС — в силу этого они доступны сегодня не только в РГАЛИ, но и в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Очень показательна в этом плане записка заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» писателя Саввы Дангулова (1912–1989), проведенного три недели в Румынии в августе 1964 г. Дангулов имел за плечами личный опыт дипломатической службы — в 1944–1946 гг. он служил в Румынии в качестве сотрудника Союзной контрольной комиссии (СКК), а затем пресс-атташе советской дипломатической миссии. Он имел возможность узнать страну, овладел до некоторой степени румынским языком, обзавелся связями в среде интеллигенции. В силу этого в свой приезд 1964 г. Дангулов мог узнать о положении в Румынии куда больше, чем другие посетившие в те же годы страну советские литераторы. Его записка, сочетавшая в себе описание впечатлений с попыткой дать анализ текущей внутривосточной ситуации и представить широкую гамму настроений румынской интеллигенции в связи с проявившимися осложнениями между Москвой и Бухарестом (причем на фоне углублявшегося советско-китайского конфликта), была тут

¹ Иностранная комиссия Союза писателей была образована еще в 1935 г., через год после создания Союза советских писателей. Первоначально, в эпоху Сталина, ее функция заключалась в формировании благожелательного отношения влиятельных западных литераторов к СССР.

же переслана из Иностранной комиссии Союза писателей в аппарат ЦК КПСС и легла на стол сначала секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева, а затем и главного идеолога КПСС М.А. Суслова².

Первые творческие командировки советских писателей в Румынию, вошедшую по итогам Второй мировой войны в советскую сферу влияния, относятся к концу 1940-х годов. В знаменитых мемуарах Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» есть небольшая глава о посещении Румынии, встречах с Михаилом Садовяну, другими литераторами. Она отражает неоднозначные впечатления писателя от увиденного в стране в первые годы существования коммунистического режима. В середине 1950-х годов выезжающих стало больше. Среди них особое место занимали высокопоставленные функционеры Союза писателей СССР, так называемые «литературные генералы», отправлявшиеся в одну из стран советского лагеря в целях поддержания официальных литературных, культурных связей³. Как и другие страны советского блока, Румынию посещали также писательские делегации с ознакомительными целями (имелись соответствующие соглашения об обмене делегациями). Наконец, практиковались и творческие командировки писателей по поручению «Литературной газеты» или литературных журналов — их результатом были, как правило, не только отчеты, адресованные в Иностранную комиссию Союза писателей, но прежде всего путевые очерки и заметки, опубликованные в литературной периодике СССР.

Среди выезжавших в Румынию (как и в другие страны) писателей были и люди, не знавшие этой страны, и своего рода литераторы-страноведы, в той или иной мере обладавшие знаниями культуры, языка, представлениями о литературной жизни (консультанты Иностранной комиссии Союза писателей; профессиональные переводчики; в случае с Румынией также писатели из советской Молдавии, владевшие румынским языком как родным). Отчеты этой категории литераторов дают, как правило, гораздо больше содержательной информации, пусть тенденциозно интерпретированной. В любом случае, в отчетах советских писателей так или иначе находили отражение, хотя и не всегда адекватное, настроения творческой интеллигенции, ее отношение как к внутривосточным процессам, происходившим в стране, так и к некоторым событиям международной жизни.

Согласно отчетам, большинство советских писателей, приезжавших в какую бы то ни было страну (и в том числе в Румынию), воспринимало увиденное сквозь призму официальной советской идеологии и устояв-

² См.: *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат). В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. Н.М. Куренная ред. Москва, 2011.

³ Так, в августе 1959 г., когда в Румынии отмечалось 15-летие разрыва с нацистской Германией и перехода на сторону антигитлеровской коалиции, в числе гостей был секретарь Союза писателей СССР, руководитель Иностранной комиссии СП Борис Полевой. См. его отчет о поездке: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2424. Л. 1-5.

шихся стереотипов о превосходстве советского опыта социалистического строительства над опытом других стран. И вместе с тем многое зависело от личностей самих посещавших страну гостей. Ведь среди них были как жесткие коммунистические ортодоксы вроде вышеупомянутого Бориса Полевого, так и те, кто с искренним энтузиазмом воспринял решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) и особенно XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), вновь осудившего сталинские методы и постановившего вынести тело усопшего вождя из мавзолея на Красной площади, а город Сталинград переименовать в Волгоград. Среди талантливых молодых литераторов, увидевших в веяниях хрущевской «оттепели» и происходивших в те годы в Советском Союзе переменах реальный шанс на глубинное обновление и демократизацию советской системы, был и 30-летний драматург Михаил Шатров, чей отчет о двухнедельном пребывании в Румынии в апреле–мае 1962 г. предлагается вниманию читателя.

Михаил Филиппович Маршак (1932–2010), который, став профессиональным литератором, избрал себе творческий псевдоним Шатров, был не только родственником выдающегося детского поэта Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964), но имел родню в среде высшей кремлевской партийно-государственной номенклатуры. Его тетя (старшая сестра отца) Нина Маршак была первым браком замужем за видным деятелем Коминтерна Осипом Ароновичем Пятницким, а вторым — за Алексеем Ивановичем Рыковым, членом Политбюро ЦК ВКП(б) и председателем Совета министров СССР в 1924–1930 гг., ставшим в 1938 г. вторым по значимости обвиняемым после Н.И. Бухарина на третьем большом московском показательном судебном процессе. Как и оба ее мужа, Нина Маршак пала жертвой сталинских репрессий. Та же судьба постигла и ее младшего брата, московского инженера, отца будущего драматурга Шатрова (он был расстрелян в 1938 г.), а его мать, хотя и провела долгое время в заключении, но выжила и в 1954 г. вернулась домой по амнистии. Успешно окончив среднюю школу, Михаил поначалу выбрал путь инженера, поступив в Московский горный институт, но очень быстро в нем перевесил интерес не только к художественному творчеству, но и к совсем недавней истории, которая сильно «перепახала» жизнь и быт всей его семьи и которую молодой человек, с юности увлеченный театром, собрался исследовать художественными методами, попытавшись воспроизвести основные коллизии советской эпохи на театральной сцене. Первую свою пьесу «Чистые руки» Шатров написал в 22 года, а в 26 лет уже был избран в Союз советских писателей, его пьесы к этому времени шли на сценах нескольких советских театров. Несколько позже их стали ставить на подмостках других социалистических стран, включая Румынию, где они также оказались созвучными происходившим и там, хотя и в разных условиях, процессам десталинизации. За долгие годы творческой деятельности Михаил Шатров написал множество пьес, по его сценариям было снято около десятка фильмов. Наиболее известный

из них — «Шестое июля» (1968, режиссер Ю. Карасик), в котором был показан острый конфликт между большевиками и левыми эсерами. Эти партии, как известно, вместе сформировали правительство после октябрьского переворота 1917 г., однако в дальнейшем их пути разошлись — осудив заключенный по инициативе В.И. Ленина Брестский мир с Германией, левые эсеры вышли из советского правительства, а 6 июля 1918 г. предприняли попытку захвата власти. Постоянное стремление коммуниста-идеалиста Шатрова⁴ противопоставить более поздним сталинским «извращениям» благородство и искренность помыслов целой плеяды выдающихся русских революционеров и обратиться к чистым, незамутненным истокам русской революции 1917 г. (в его видении — одного из грандиозных событий мировой истории) было «не ко двору» в эпоху Брежнева, когда культурная политика стремилась затушевать любые противоречия внутри большевистской традиции. «Шатров — это Крупская сегодня», — полуиронически заметила как-то великая актриса Фаина Раневская, намекая на верность драматурга «ленинским» революционным идеалам в противопоставлении их позднейшим «сталинским искажениям». Некоторые его пьесы с трудом проходили цензуру, как и фильмы по его сценариям. Начало горбачевской перестройки вызвало в Шатрове прилив энтузиазма и оптимизма, он активно включился в общественную жизнь, но ненадолго, поскольку исповедуемые им до конца жизни социалистические идеалы в условиях 1990-х годов, после падения СССР, казались анахронистическими многим его недавним соратникам в борьбе за улучшение советского строя.

Поездка в Румынию оставила у молодого драматурга в целом хорошие впечатления, в своем отчете он отмечал не только гостеприимство принимающей стороны, радушие румынских коллег, но и довольно успешное экономическое развитие страны, растущий материальный достаток населения, что проявлялось и в отсутствии очередей в магазинах, и в одежде румын. Сходное впечатление растущего благополучия сложилось, кстати говоря, не только у Шатрова, но и у других советских деятелей культуры, посетивших в то время страну. Так, выдающегося кинорежиссера Михаила Ромма, прибывшего в Бухарест всего через 4 месяца после Шатрова, в августе 1962 г., особенно поразили масштабы жилищного строительства: «строительство в Румынии производит сильное впечатление. Новые кварталы Бухареста элегантны при простоте конструкции домов. <...> В окраску введено стекло, специальные материалы, поэтому не выглядит грубо. Пожалуй, новые жилые массивы красивее, чем где бы то ни было в странах народной демократии, строятся буквально все города». Не меньше, чем столица, понравились ему морские курорты Мамая и Эфорие: «Только что выстроенные, абсолютно современные курорты, состоящие из многоэтажных отелей с превосходно организованным обслуживанием. На курортах

⁴ Молодой человек вступил в КПСС в 1961 г. на волне «второй десталинизации», вызванной решениями XXII съезда КПСС.

множество иностранных туристов»⁵. Такого рода впечатления, свидетельствующие о неуклонном повышении жизненного уровня населения в Румынии (во многом благодаря продуманным внешнеэкономическим связям), довольно резко контрастировали с описаниями первой половины 1950-х годов. Так, в относящихся к лету-осени 1953 г. донесениях сотрудников аппарата Коминформбюро (он располагался, как известно, в Румынии) отмечался острый дефицит продовольствия в стране⁶.

Насыщенной и интересной показалась молодому советскому драматургу М. Шатрову румынская театральная жизнь. Он отмечал и сохраняющийся интерес румынской интеллигенции к СССР и советской культуре. Правда, здесь не обошлось и без впечатлений иного рода, Шатров, в частности, описывает конкретный случай, свидетельствующий о нежелании некоторых румынских интеллигентов слишком афишировать перед лицом общественного мнения свои старые советские связи — весьма показательный штрих в условиях, когда коммунистическое руководство Румынии, дистанцируясь от Москвы, стало делать все больший акцент на национальное своеобразие и собственный путь развития, что нашло выражение в программном документе, принятом в апреле 1964 г., так называемой Декларации Румынской рабочей партии по вопросам международного коммунистического и рабочего движения⁷.

Интересно читать о том, какой показалась общественная атмосфера в Румынии весны 1962 г. 30-летнему советскому литератору, искреннему стороннику демократического обновления советской системы, при этом ничуть не склонному отбрасывать социалистические ценности. На фоне того, что происходило в те же самые месяцы в СССР — публикации в том же 1962 г. повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», выхода ряда фильмов антисталинского содержания и т.д. — эта атмосфера ему показалась пронизанной страхом и менее свободной, чем в Советском Союзе, это проявлялось среди прочего в нежелании румын публично слишком резко высказываться о Сталине и его преступлениях. Румынские собеседники Шатрова, впрочем, давали этому свое объяснение, связывая необходимую осторожность с тактической игрой и умением румын создавать шлюзы на пути проникновения в страну извне всех тех веяний, которые могли бы стать причиной внутренней дестабилизации. Один из них напомнил в той же связи Шатрову о том, какую роль сыграли в насаждении в Румынии культа личности и других негативных явлений те

⁵ РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678. Л. 9-10.

⁶ См., например, записку «Некоторые данные о продовольственном положении в Бухаресте»: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 272. Л. 278-280.

⁷ Подобные примеры нежелания людей демонстрировать свои старые советские связи приводит и Савва Дангулов в записке по итогам поездки 1964 г. См.: *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. С. 345-350.

коммунисты коминтерновской выучки во главе с Анной Паукер, которые, прибыв из Москвы, довольно усердно пытались перенести на румынскую почву советский опыт. Осторожность обнаруживалась и в культурной политике — не только в записке Шатрова, но и в некоторых других советских источниках тех лет упоминается о сдержанности румынских функционеров, когда речь заходила о постановке в Румынии советских пьес, в которых поднималась тема культа личности Сталина. Очевидно, что сама эта тема воспринималась как довольно болезненная и в эпоху, когда во главе партии и страны стоял Георге Георгиу-Деж, и позже, при Николае Чаушеску — вероятно, существовали опасения, что критика советских порядков может натолкнуть некоторых зрителей (как и читателей) на проведение нежелательных параллелей. Люди, причастные к культурной политике, предпочитали перестраховаться, лишний раз не акцентируя проблему культа личности⁸. Говоря о мотивах их позиции, нельзя не учитывать и современный китайский контекст, ведь характерное для румынской партийной элиты с начала 1960-х годов балансирование между все более расходившимися советской и китайской линиями по самым принципиальным вопросам международного коммунистического движения проявлялось среди прочего и в неготовности однозначно занять позицию одной из сторон в вопросе об отношении к Сталину и его наследию («В мировом коммунистическом движении раскол по вопросу о Сталине. Куда повернется — неизвестно»).

Развивая тему осторожности и перестраховок в румынской культурной политике, стоит заметить, что через месяц после отъезда Шатрова, в июне 1962 г., в Румынии прошли мероприятия по случаю 50-летия смерти великого драматурга Иона Луки Караджале (1852–1912). С советской стороны в них приняли участие драматург Исидор Шток и выдающийся театральный режиссер Георгий Товстоногов. По отчету Штока в не меньшей мере, чем по отчету Шатрова можно судить о том, сколь большое внимание в двусторонних культурных связях уделялось отбору пьес советских авторов для постановки в румынских театрах. По наблюдению Штока, в Румынии противоборствовали две точки зрения: согласно одной, «нужно показывать румынской публике только такие произведения, которые не отражают ничего плохого в жизни советского общества. Другая — нужно показывать все, что талантливо и правдиво рассказывает о нашей жизни».

⁸ Можно сказать больше: ослабление пропаганды в Румынии советского опыта, на которое, особенно в сопоставлении с 1950-ми годами, обращали внимание гости из СССР, приезжавшие в 1963–1965 гг., предполагало не только отсутствие прежнего восхваления советской действительности, но и замалчивание более темных ее сторон — критике подвергались лишь определенные гегемонистские проявления во внешней политике СССР, но гораздо реже внутренние порядки страны Советов. Так, членам советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., было хозяевами сказано в ходе одной из бесед: румынские театры не собираются ставить советские пьесы, содержащие критику эпохи «культа личности», так как они могут оказать дурное влияние на румынскую молодежь. См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 182.

Как пишет Шток, исходя из первой точки зрения, некоторые функционеры румынского Министерства культуры приостановили постановку ряда пьес советских авторов. Драматург считал такие бюрократические перестраховки совсем неэффективными, поскольку заинтересованные румынские читатели могли узнать о новых веяниях в театральной жизни СССР из все еще широко распространявшейся советской прессы. В ходе встречи Товстоногова и Штока с театральными деятелями Румынии ряд ее участников признал склонность некоторых румынских драматургов к украшательству и бесконфликтности. Приняв сказанное к сведению, советские гости решили не углубляться в тему, чтобы не создать впечатление вмешательства во «внутренние румынские дела». Они предпочли побольше рассказать о советской театральной жизни⁹.

Комментируя описание Шатровым общественной атмосферы в Румынии, нельзя не обратить внимание на определенную идеализацию им положения дел на родине — ведь в начале июня того же 1962 г., через считанные недели после посещения драматургом Румынии, в городе Новочеркасске силовики расстреляли демонстрацию рабочих, протестовавших против повышения цен. Румыния начала 1960-х не знала подобных эксцессов, на фоне которых нисколько не удивительно, что прибывшему из СССР (причем из советской столицы, Москвы!) Шатрову уровень жизни в Румынии показался достаточно высоким в сравнении со средними советскими стандартами. А что касается свободы творчества, то некоторая эйфория, очевидно, порожденная решениями XXII съезда КПСС о десталинизации, должна была очень скоро развеяться — после того как Н.С. Хрущев несколько раз обрушился на молодую творческую интеллигенцию — сначала (в декабре все того же 1962 г.) при посещении художественной выставки в московском Манеже, а затем уже в 1963 г. на ряде партийных собраний и на встречах с деятелями культуры.

Румыния искала свой собственный путь, и в ее развитии в этот период наблюдались противоречивые тенденции. Они находили отражение и в отчетах советских наблюдателей. Глубоко веривший в перспективы обновления социализма Михаил Шатров не увидел в румынском обществе прозападных ориентаций в качестве альтернативы просоветским настроениям. Схожие наблюдения зафиксировал и куда более опытный, 60-летний Михаил Ромм: «Настроение интеллигенции в отношении советской делегации и вообще Советского Союза я бы назвал превосходным. Времена, когда румынская интеллигенция тяготела к западу и, в частности, к Франции, по-моему, миновали. Повсюду мы встречали исключительно сильный интерес ко всему, что происходит в Советском Союзе, к советской литературе, к советскому кинематографу и т.д.»¹⁰. Однако у Саввы Дангулова, посетившего Румынию через два года, сложились совсем иные впечатления: «усилия Румынии, на-

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678. Л. 12.

правленные к улучшению отношений с Западом, все заметнее. Очевидно, дело не ограничивается новыми торговыми и культурными соглашениями. Много делается, чтобы привлечь из Европы поток туристов. В течение недели я прожил на черноморском курорте Румынии в Мамае, близ Констанцы. Курорт полон туристами с Запада. <...> Чтобы стимулировать приток туристов, Румыния установила льготный курс и значительно облегчила оформление въезда в страну (въезд оформляется непосредственно на границе). Кстати, близ Констанцы введен в эксплуатацию огромный международный аэропорт и, таким образом, черноморское побережье Румынии связано с важнейшими центрами непосредственно»¹¹.

К лету 1964 г. в советско-румынских межгосударственных отношениях обнажаются острые противоречия, в момент приезда Шатрова и Ромма еще не видные невооруженным глазом. Они нашли отражение в большой записке Дангулова, человека, несравнимо глубже знавшего румынские реалии и, кроме того, обладавшего опытом дипломатической работы, а значит политической аналитики. И дело, по его наблюдению, отнюдь не сводилось к усилению западного влияния в противовес советскому. Продолжал углубляться советско-китайский раскол, требовавший от румынской партийной элиты еще более искусного маневрирования. По оценке Дангулова, «в нынешний острый момент советско-румынских отношений Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, при этом ведет себя достаточно осторожно». Ведь однозначно встать на сторону Китая означает осложнить отношения не только с СССР, но и с Западом, тогда как «заявить о своем несогласии с Китаем — значит отказаться от известных возможностей тактической игры». При этом, если для румынской коммунистической элиты стремление периодически разыгрывать китайскую карту было проявлением внешнеполитической тактики, то для румынской интеллигенции, недовольной прежним насаждением и былым засильем всего советского, симпатии к Китаю и его независимой линии носили скорее эмоциональный характер, ведь все собеседники Дангулова независимо от их отношения к советскому опыту выражали острое несогласие с официальной китайской позицией по вопросам мирного сосуществования¹².

После отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. и кончины в марте следующего года Г. Георгиу-Дежа с советской стороны была предпринята попытка «произвести перезагрузку» двусторонних отношений, начав их «с чистого листа». Она не имела перспектив, поскольку преемник Георгиу-Дежа Николае Чаушеску стремился в диалоге с Москвой еще более последовательно отстаивать национальные приоритеты, как он их понимал, и новый этап в развитии отношений между СССР и Румынией оказался еще более сложным, чем предыдущий.

¹¹ *Стыкалин А.С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. С. 397–398.

¹² Там же. С. 396–397.

**Отчет драматурга М.Ф. Шатрова о пребывании в Румынии в 1962 г.
25 мая 1962 г.**

В Иностранную Комиссию Союза писателей СССР
Отчет о пребывании в Румынской Народной республике
с 26 апреля с. г. по 9 мая с. г.

Я находился в Румынской Народной республике согласно соглашению об обмене писателями (поездка за свой счет). Целью моего пребывания в Румынии было ознакомление со спектаклем «Именем революции» (моя пьеса)¹³ и работа с переводчиком и режиссером спектакля «Современные ребята»¹⁴, который готовится по моей пьесе в Молодежном театре, а также знакомство с театральной жизнью Бухареста (краткую сводку прилагаю).

Считаю своим долгом поделиться личными впечатлениями о поездке.

На аэродроме меня встречала делегация Союза писателей Румынии во главе с Хорией Ловинеску¹⁵. Поместили меня в гостинице «Атене Палас». Ко мне прикрепили в качестве переводчика члена Союза писателей Румынии Аду Аркадьевну Штайнберг (бывшую советскую гражданку, переводчицу с русского, большого и искреннего друга нашей страны). Прием со стороны Союза писателей Румынии был очень радушный, дружеский. Мне была предоставлена возможность побывать везде и посмотреть все, что я захочу. Очень большую роль в организации моего приема сыграли товарищи Моника Галан — директор дома литераторов и Троян Шелмару — редактор журнала «Театр» (о нем ниже).

1 мая я был приглашен на парад и демонстрацию, находился на правительственной трибуне. После парада мне предложили отдохнуть два дня в доме творчества «Синая» — в высокогорном курорте¹⁶. Все остальное время было занято просмотром спектаклей, посещениями музеев, многочисленными встречами с деятелями литературы и искусства Румынии.

Вообще должен отметить, что такая частная поездка дала мне возможности куда больших и искренних контактов с людьми, нежели поездка официальная. Во всяком случае, так мне кажется.

Какие впечатления сложились у меня от двухнедельного пребывания? Начну по порядку.

¹³ Пьеса 1957 года.

¹⁴ Пьеса 1962 года.

¹⁵ Хория Ловинеску (1917–1983), сценарист, драматург, театральный деятель, племянник крупного литературного критика и эссеиста, пропагандиста современной западной (особенно французской) культуры Эуджена Ловинеску (1881–1943). Дочь Эуджена и двоюродная сестра Хории Моника Ловинеску (1923–2008), эмигрировавшая в 1947 г. во Францию, была ключевой фигурой в румынской редакции «Радио Свобода» и выступала с острой критикой коммунистического режима в Румынии.

¹⁶ В Синае находилась летняя резиденция румынских королей.

Люди живут материально хорошо. Мне пришлось беседовать с представителями различных слоев, бывать на квартирах, и везде я отмечал относительный достаток. В магазинах изобилие продуктов как продовольственных, так и промтоварных. Никогда не было разговоров о каких-либо трудностях экономического порядка. Закончилась коллективизация, которая прошла, по словам румынских товарищей, спокойно, без эксцессов. Деревня стала жить значительно лучше. Но даже гуляя по улицам, можно заметить, что люди живут хорошо: одеваются ярко, красиво, современно; нет очередей и т.д.¹⁷

Искусство, особенно театр, очень быстро развивается. Румыны страстные любители театра. Только за последние полтора года в Бухаресте открыли три новых театра. Билеты на спектакли не достать. Существуют записи на билеты на спектакли. Мне, как драматургу, это было особенно приятно. На театре идет борьба двух направлений: академического и современного. Это чувствуется и в работе режиссеров, и в игре актеров. Очень много интересных спектаклей.

Интерес к Советскому Союзу — огромен (в среде интеллигенции). Но в то же время существует ряд факторов, которые отравляли мое пребывание в Румынии. Я расскажу о них на основании бесед с видными представителями румынской интеллигенции, среди которых — писатель Галан¹⁸, режиссер и руководитель театра комедии Раду Белиган¹⁹, режиссер Национального театра, лауреат государственной премии Мони Гелертер²⁰, режиссер Раду Пенчулеску²¹, драматурги Александр Миродан²², Дорел Дориан²³, Хория Ловинеску, Владимир Колин²⁴, выдающийся художник Жюль Перахим²⁵, редактор Троян Шелмару и другие.

¹⁷ Драматург И. Шток, который провел в Румынии две недели в творческой командировке в июне 1962 г., в отличие от М. Шатрова посетал страну не впервые и в своем отчете отметил заметный прогресс, достигнутый ею в развитии экономики и культуры за годы, прошедшие со времени его предыдущего приезда. Командировка Штока совпала с недельным визитом Н.С. Хрущева в Румынию, и он писал в отчете о внимании румынской публики к итогам этого визита (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457).

¹⁸ Валериу Эмиль Галан (1921-1995) был автором романов в духе социалистического реализма, писал о крестьянском восстании 1907 г. и современных преобразованиях на селе.

¹⁹ Актер и режиссер Раду Белиган (1918-2016) был на протяжении нескольких десятилетий одной из центральных фигур румынской театральной жизни.

²⁰ Мони Гелертер (1905-1979), актер и режиссер.

²¹ Раду Пенчулеску (1930-2019) принадлежал к поколению М. Шатрова.

²² Драматург Александру Миродан (1927-2010) эмигрировал в 1977 г. в Израиль.

²³ Дорел Дориан (1930-2014) известен не только как драматург, но и как автор научно-фантастических произведений, переведившихся и на русский язык.

²⁴ Владимир Колин (1921-1991) был известен как новеллист, автор научно-фантастических произведений, писал и для детей.

²⁵ Жюль Перахим (1914-2008) получил международную известность картинами и рисунками в духе сюрреализма. Выступал как театральный художник и книжный иллюстратор.

В Румынии процветает атмосфера страха — страшное наследие эпохи культа личности. Люди все время предупреждают: только это между нами, причем разговор идет о самых невинных вещах; боятся разговаривать в комнатах, предпочитают на воздухе. Это происходило каждый раз, когда румынские товарищи расспрашивали меня о XXII съезде партии²⁶ и ликвидации последствий культа личности Сталина. Все время мне приходилось слышать: «У нас особые условия, мы не можем так резко говорить о Сталине, у нас и памятник сняли совсем недавно...» и т.д. В Молодежном театре мне сказали еще определеннее. Все ваши пьесы, в которых хотя бы немного задевается культ Сталина, мы «слегка редактируем». Так, например, произошло с пьесой Штейна «Океан»²⁷. Наши произведения литературы и искусства, в которых резко и определенно ставятся вопросы общественные и гражданские, как правило, не переводятся. Пьеса И. Куприянова «Сын века»²⁸, которая вообще не затрагивает проблем культа, еле-еле прошла на румынскую сцену. Органы Министерства культуры усмотрели в ней какие-то слишком острые положения. Каждый, кто знаком с этой пьесой, дико удивится, узнав, что пьесе «Сын века» чинились какие-то препятствия.

Когда я откровенно спросил у румынских товарищей о причинах такого положения, мне ответили примерно так: «Румыны — хитрые люди. Мы не хотим делать никаких определенных шагов. В период культа личности у нас не было таких репрессий, как в СССР. Анну Паукер, которая была типичной “сталинисткой” и требовала проведения жестких репрессий, так представили Сталину, что она сама попала в немилость²⁹. Вообще все явления культа, которые имели у нас место, насаждались людьми из Москвы, т.е. теми, кто жил и работал во время войны в Москве и появились в Румынии после 23 августа 44 года³⁰. Поскольку у нас тогда не было ничего особенно страшного, мы и сейчас не хотим спешить. Есть негласная директива: в мировом коммунистическом движении раскол по вопросу о Сталине. Куда повернется — неизвестно. Спешить не надо. У нас есть по-

²⁶ XXII съезд КПСС состоялся 17–31 октября 1961 г.

²⁷ Пьеса драматурга Александра Штейна «Океан» была написана в 1961 г.

²⁸ Пьеса 1959 года.

²⁹ Анна Паукер (1893–1960) — деятель румынского коммунистического движения. С 1941 г. представитель румынской компартии при Исполкоме Коминтерна, в 1943–1944 гг. возглавляла в СССР загранбюро Румынской компартии. Вернувшись на родину после свержения в августе 1944 г. режима Антонеску, была членом Политбюро и секретарем ЦК Румынской компартии (с 1948 г. Румынской рабочей партии). В 1947–1952 гг. министр иностранных дел Румынии. Уступив во внутривнутрипартийной борьбе Г. Георгиу-Дежу, была в 1952 г. смещена со всех должностей, в начале 1953 г. арестована, а после смерти Сталина переведена под домашний арест. В последние годы жизни, находясь под домашним арестом, занималась переводами на румынский язык политической литературы. Вопрос о степени личной ответственности А. Паукер за репрессии начала 1950-х годов и попытки насаждения в Румынии сталинской модели социализма продолжает дискутироваться в научной литературе.

³⁰ То есть свержения режима Антонеску.

словица, которая довольно точно определяет нашу суть: когда идет война, житель маленького города рассуждает так: наши уходят — наши приходят. Все наши: вот почему мы осторожничаем».

Все товарищи говорили об этом с большой болью и недовольством. В среде интеллигенции я почувствовал большую тягу к нам, люди жаждут той же духовной свободы, которой живем мы, когда каждый человек не боится высказать свою личную точку зрения. В Румынии пока этого нет.

С кем бы я ни встречался, какие бы разговоры ни были, я ни разу не почувствовал «западной» ориентации, наоборот, мне много раз приходилось слышать шутки по поводу так называемых «выборов», которые кое-кто на Западе хочет провести в Румынии и других странах Восточной Европы. «Результат такого голосования только один — за социализм!»

В отчете трудно написать о тех мелочах, нюансах, словах, из которых у меня создалось такое тревожное впечатление, но я в этом убежден абсолютно.

Поразил меня и такой факт. Мой московский товарищ послал со мной своему приятелю в Бухарест записку с просьбой помочь мне познакомиться с городом, с театрами и т.д. Вместе с переводчиком мы поехали по указанному адресу. Адресат, узнав, что записка из Москвы, отказался принять ее. Он говорил, что у него нет в Москве знакомых, что это провокация и т.д. После 15-минутных переговоров он взял наконец эту записку и долго плакал, умоляя не рассказывать его московскому другу, что он так некрасиво вел себя. Почему так произошло — я не знаю.

Главный редактор журнала «Театр» Троян Шелмару — светлая личность, большой друг молодежи, страстный пропагандист нашей страны и искусства. Однако он все время терпит всякие ущемления, дискриминации, и, если бы мы его поддержали твердо и решительно, пригласив что ли в Москву, напечатав его статью в наших газетах, это остановило бы кое-кого в Бухаресте. Без такой поддержки я боюсь, что вскоре мы лишимся большого и хорошего друга во главе театрального журнала³¹.

Все румынские товарищи как один жаловались на то, что наше посольство очень плохо связано с интеллигенцией, очень мало контактов — только приемы и официальные встречи.

Я провел ряд встреч с руководством Союза писателей, Министерства культуры, во время которых мы обсуждали вопросы наших контактов.

Лично для меня эта поездка закончилась очень интересно и в творческом плане: вместе с драматургом Дорелом Дорианом мы начали работать над совместной румыно-советской пьесой³².

³¹ Критик и редактор Траян Шелмару (1914–1999) продолжал и далее сохранять влияние в румынской культурной жизни, отнюдь не позиционируя себя большим другом Советского Союза.

³² Замысел, по нашим сведениям, остался невоплощенным.

Таков краткий отчет о моей поездке в Румынию³³.

Член Союза писателей СССР, член КПСС

Михаил Шатров

25 мая 1962 года

*Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 631. Оп. 26. Д. 2456. Л. 1–5*

Источники

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2424.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2456.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2457.

РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 1. Д. 1678.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 150.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 272.

Литература

Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат). В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. Н.М. Куренная ред. Москва, 2011.

References

Stykalin, A.S., 2011. What Romanians Thought About the USSR in 1964 (Soviet Diplomat Testifies). In: N.M. Kurenayaya, ed. *Looking for New Ways. Power and Society in the USSR and Eastern European Countries in the 1950s — 1960s*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 367–398. (In Russian)

³³ Далее приложен список посещенных М. Шатровым театральных спектаклей (не публикуется).